

СКОЛЬКО Б НИТЧУКЕ

НИ ВИТЬСЯ...

повесть

Владимир
КОЛАБУХИН

г. Ярославль

1

Говорят, понедельник — день тяжёлый. Не знаю, не знаю... Может быть. Но утро того памятного мне понедельника выдалось солнечным. Небо ясное-ясное! Майский воздух, освежённый коротким ночным дождём, был удивительно душист от расцветающей сирени.

Я жил тогда в приволжском городе Рыбинске, неподалёку от отдела милиции, где работал следователем. И до чего же хорошо было у меня на душе в то чудесное утро! Мог не спеша пройтись по затенённому большими старыми липами городскому бульвару, посидеть в укромном уголке на скамейке и помечтать о чём-нибудь заветном, пусть, может, и несбыточном...

Да, утро есть утро! И думается лучше. Недаром говорится, что утро вечера мудренее. Вот и ко мне в то утро пришла мысль, что не настолько уж я закоsnел на своей следственной работе, как полагала моя соседка по квартире Леночка — гибкая девушка с мягким овалом лица и большими зелёными глазами. Она учительница русского языка и литературы в школе. Голос у неё мягкий, приятный. К тому же она очень красива. Вместе с её приветливой мамашей Екатериной Ивановной, весьма пожилой, располневшей седовласой женщиной, они занимали две смежные комнаты. Я — третью. Так уж получилось, что однокомнатных квартир нашему отделу не выделили и меня, выпускника юридического института, просто-напросто «подселили». Елена, судя по всему, была не прочь завести со мной роман. А у меня он уже бывал, но лишь оставил в сердце боль. И, конечно, я уже стал не настолько наивен, чтобы таять от улыбок хорошеньких девушек, поэтому в обращении с Еленой, наверное, и впрямь был суховат.

«Только что-то вдруг сегодня, — думал, — её образ словно застыл перед глазами?..»

Я поднялся со скамейки и не спеша направился к выходу. Время в запасе ещё было. Да и служба моя такая, что излишней торопливости не терпит, требует внутреннего спокойствия и уверенности. А то утро было такое замечательное! «Может, — подумал, — и весь день будет таким же?»

Как бы не так!..

За полчаса до окончания моего рабочего дня — телефонный звонок дежурного:

— Демичевский?.. Срочно с опергруппой на выезд!

Оказалось, сработала сигнализация ювелирного магазина «Бирюза».

Не прошло и трёх минут, а наш «уазик», включив сирену, уже мчался по улице. Сидели и гадали: что там, в «Бирюзе»? И самое худшее предположение оправдалось — разбойное нападение.

«Как же такое случилось?» — спросили мы в магазине. И вот что выяснилось.

За пять минут до закрытия «Бирюзы» кто-то позвонил со двора у служебного входа. Думая, что приехали инкассаторы, директор магазина Шляпникова, пожилая дородная женщина, собирающаяся через месяц уйти на пенсию, спокойно открыла дверь и... отшатнулась. Высокий молодой черноволосый мужчина с пистолетом в руке подтолкнул Шляпникову к её кабинету, рванул там со стола одну из инкассаторских сумок с дневной выручкой и перебрросил сообщнице, такой же молодой особе, появившейся на мгновение за его спиной.

Ещё до того как налётчик потянулся за второй сумкой, Шляпникова успела нажать потайную кнопку сигнала тревоги. Завыл «ревун». Преступник отпрянул, выстрелил не целясь и выскочил во двор. Громко хлопнула дверца машины, заурчал мотор, и через несколько секунд всё стихло...

Шляпникова выглядела испуганной, но нерешительной, только губы белые тряслись не переставая.

— Да вы не волнуйтесь, не переживайте так, — попытался я успокоить её и коротко передал в райотдел по телефону первые сведения о случившемся.

Шляпникова расстроено всплеснула руками: — Как не переживать?! Почти всю выручку унесли!..

Она потянулась к графину с водой. Я опередил, подал полный стакан. Пока Шляпникова пила, вместе с экспертом Губиным осмотрел и сфотографировал место происшествия. Собственно, осматривать было почти нечего. Её кабинет, где проходил наш разговор, находился напротив служебного входа. Налётчик действительно мог за секунды осуществить задуманное.

Над столом, за которым сидела моя собеседница, ярко светила красивая хрустальная люстра. В кабинете ещё лишь один небольшой сейф да несколько стульев. Без особых затруднений нашёл на полу у окна пулю, которая попала в стенку и сколола кусочек бетона, а за косяком двери — гильзу. Следов обуви много, но все затёртые, и разобраться в них было практически невозможно. Лишь в коридорчике у порога кабинета Губину удалось зафиксировать слабые отпечатки подошвы и каблукка женской туфельки.

Я присел к столу Шляпниковой:

— Так вы говорите, преступников было двое?

— Может, и больше, — не сразу отозвалась она. — Ко мне ворвались двое — мужчина и женщина.

— Как они выглядели?

Но Шляпникова, как и в начале разговора, не смогла описать их подробно: высокий, молодой, смуглолицый мужчина да такая же молодая его напарница — вот и всё. И она расстроено стала оправдываться:

— Испугалась очень. Какие уж тут подробности, особые приметы. Спросите, во что были одеты, — и то, наверное, не скажу.

— И всё же?

— Мужчина, по-моему, в тёмном костюме, а женщина... в синем платье как будто бы... — смущённо пыталась вспомнить Шляпникова, комкая в дрожащей руке мятый цветастый платочек, которым то и дело обтирала потное лицо. — Если б не струсилась так!..

Я поспешил успокоить:

— Не казните себя напрасно. В ситуации, что случилась с вами, любой бы испугался. А вы действовали решительно, не дрогнули.

Мне и впрямь было приятно похвалить эту пожилую мужественную женщину. Но она тут же отмахнулась:

– Да какое там... решительно! Мне бы после звонка в глазок посмотреть, а не дверь сразу открывать.

– Действительно, а почему вы поторопились открыть дверь?

– Думала, инкассаторы за выручкой приехали. Они всегда в это время появляются у нас.

– Погодите, погодите. Давайте уточним. Во сколько к вам позвонили?

– Я уже говорила – без пяти семь.

– А инкассаторы приезжают?

– В семь. Иногда на минуту-две раньше или позже. Вот что и подвело меня. Ведь звонок был почти в это же время.

Да, видел я этих инкассаторов. Нас дожидались. Даже говорил с ними, поохали они, почувствовали директорше и уехали.

Я задумался. Интересная вырисовывалась картина: рискованно действовали налётчики. Рискованно, но расчётливо, словно всё по секундочкам выверили.

– Значит, вы считаете, что у преступников была машина? – спросил Шляпникову.

– Но ведь кто-то сразу выехал со двора, кто же ещё?..

«Конечно, – мысленно согласился я. – Без транспорта им в таком деле не обойтись. Выстрел могли услышать на улице. Следовательно, кто-нибудь мог заприметить и машину. Теперь только бы найти очевидцев!»

Я был уверен, что и другие члены опергруппы зря времени не теряют. Зевак на улице, когда мы подъехали к магазину, было немало, да и подворный обход ближайших домов, опрос их жителей мог выявить ценных свидетелей. Кто-то из них, к примеру, в момент происшествия выходил из магазина или разглядывал его витрины, кто-то отдыхал на балконе своего дома или сажал там цветы... Короче, должны быть свидетели!

Поблагодарив Шляпникову, я вышел в коридор.

Как и ожидал, мне уже нашли свидетелей: узкоплечего веснушчатого паренька в линялых джинсах и пёстрой рубашке с отложным воротничком и тощую, как жердь, старомодно оде-

тую старушку. Оба сказали, что видели жёлтое такси, выскочившее со двора почти сразу после выстрелов. Номера машины старушка не приметила. Зато парню, учащемуся художественного училища, запали в память цифры: «37-38».

Я незамедлительно сообщил эти данные дежурному по отделу. Если в машине преступники и они попытаются выехать из города, им это теперь вряд ли удастся: дежурный передаст мою информацию всем патрульным нарядам и инспекторам ГАИ.

Мы работали до глубокой ночи, делали всё, чтобы раскрыть дерзкое преступление, как говорится, по горячим следам, но... тщетно. Налётчики как в воду канули.

Домой возвратился за полночь. Попытался неслышно пробраться в свою комнату, но Елена тут как тут. На ходу застегнув халатик, поспешила из своей комнаты на кухню.

– Я тебе чаю подогрею.

Отговаривать было бесполезно, и я молча кивнул.

На кухне Лена села рядом со мной за столик и, пока я чаёвничал, не отрываясь, молча смотрела на меня зелёными, как виноградными, глазами. Только на этот раз они казались мне чуть погрустневшими.

– У тебя что-то случилось? – спросил.

– Что у меня может случиться? Пей чай, Демичевский, пей, – ответила Лена. Поспешно отвела взгляд и попыталась улыбнуться.

«Господи! – чуть не воскликнул я с горечью в душе. – Так ведь хотел принести ей цветы. Надо же, как всё несладко получилось!»

2

Утром я проснулся раньше обычного времени. Прошёл на кухню, а Лена уже сидела у окна, задумчивая и чем-то озабоченная.

– С добрым утром! – заговорил я. – Что нос повесила?

– Здравствуй! – приветливо ответила она. На лице её появилась улыбка. – И всё-то замечаешь ты, Демичевский!

– Профессия такая! – засмеялся я и подошёл к плите. Осторожно потрогал чайник, а он уже го-

рячий-прегорячий. Положил в чашку ложечку растворимого кофе, сахар, залил кипятком.

— Сегодня опять поздно вернёшься? — спросила Лена.

— Пока не знаю, — ответил, отпивая из чашки маленькими глотками дымящийся ароматный напиток. Взглянул на часы. Ещё четверть восьмого. Но дома делать нечего, так что лучше немного прогуляться. Я допил кофе, поднялся из-за стола.

— Ну, пока.

Лена рассеянно кивнула, думая о чём-то своём.

В прихожей я поправил перед зеркалом форму, галстук и вышел на улицу.

Этим утром у меня было не столь радужное настроение, как накануне. В девять часов мне предстояло присутствовать на оперативке у начальника уголовного розыска Белова, и вчерашнее событие в «Бирюзе» не выходило у меня из головы. Расследование предстояло трудное, и провести его было поручено мне, а с чего начинать? Держал, конечно, в голове несколько соображений, да и был уверен, что в уголовном розыске тоже подкинут мне что-нибудь существенное. Ребята там толковые, оперативники классные. И ниточки у нас есть! Хотя бы тот же след протектора со шербинкой, зафиксированный во дворе магазина, описание нападавших преступников и машины, на которой они приехали.

Без пяти девять вошёл в кабинет Белова. Все оперативники уже в сборе. Опустив седеющую голову, Белов медленно расхаживал из угла в угол. Заметив меня, он остановился и, кивком ответив на приветствие, сухо произнёс:

— Что ж, начнём, пожалуй. У кого какие версии по «Бирюзе»?

Я присел на единственный свободный стул у окна. Оглядел собравшихся. Лица у всех озабоченные, глаза хмурые. Многие, наверное, не спали.

— Значит, неизвестные подъехали к магазину на такси? Чьё оно? Кто шофёр? — снова спросил Белов, ни к кому конкретно не обращаясь.

Первым вызвался ответить старший оперуполномоченный Сергей Наумов. Ему недавно исполнилось тридцать, он лишь тремя годами мо-

ложе меня, а уже был одним из опытных розыскников.

— Такси принадлежит второму автопарку, — заговорил Наумов, легко поднявшись с кожного дивана. — За машиной закреплены два водителя — Власов Николай Григорьевич, старый кадровый работник, и его молодой сменщик Водолазкин Владимир Константинович, выпускник автошколы. Вчера вечером работал Власов. По его словам, такси просто-напросто угнали, когда он отлучился в столовую поужинать. Машину его мы пока не нашли.

Густые, нависшие над глазами брови Белова опустились ещё ниже:

— А не может он быть соучастником этого преступления?

Наумов задумчиво пригладил свои русые волосы и, чуть помедлив, возразил:

— Маловероятно. Власов — человек пожилой, передовик труда, вырастил двоих детей, имеет внуков. Маловероятно, Александр Петрович... Маловероятно.

Белов подошёл к окну, стал разглядывать улицу. С каждой минутой солнце всё ярче заливало лучами кабинет, всё громче нарастал шум города. Где-то там, в его необъятных недрах, скрывались те, кого нам надо было найти во что бы то ни стало.

— А что говорят свидетели? — опять спросил Белов.

Наумов сел, а с дивана неторопливо поднялся рослый и плечистый, как всегда шеголевато одетый оперуполномоченный Громов — мой хороший товарищ и ровесник. На его загорелом лице отражалась задумчивость. Он достал из кармана замшевой куртки небольшой блокнот, заглянул в него и неторопливо начал докладывать:

— Свидетелей — паренька и старушку — мы установили следующим образом...

Белов резко обернулся к нему:

— Я не спрашивал, как вы разыскали студента Бубнова и пенсионерку Малинину. Что они рассказали? У нас есть фотография Власова?

Громов растерянно затеребил свой яркий золотистый галстук.

Я поспешил на выручку Громову. Ведь опрашивать свидетелей пришлось мне, а не ему.

— И фотография есть, и показывали её, — заверил я, поднявшись. — За рулём такси сидела женщина. Разглядеть её свидетели не сумели, а вот мужчину, что находился в салоне машины, запомнили: молодой брюнет. Словом, не Вла-сов. Поскольку Бубнов учится в художественном училище, я попросил его набросать хотя бы приблизительный портрет этого человека. Бубнов согласился и вот-вот должен его принести.

Я сел, а Белов возвратился к столу, грузно опустился в кресло, задумался. К нему я всегда испытывал настоящую симпатию: волевой, аккуратный, деловитый. За ним мы все были как за каменной стеной. То, что он вдруг повысил голос, было совсем не характерно для него. Да и Громов, несмотря на его щегольство и многословие, отнюдь не пустозвон, зарекомендовал себя умелым и знающим работником.

Белов поднял голову.

— У вас всё? — спросил он Громова

— Нет, — торопливо отозвался тот, — разрешите высказать свои соображения.

— Ну-ну... — смягчился Белов. — Выкладывайте.

— Полагаю, что преступники вели многодневное тщательное наблюдение за магазином, — оживился Громов, и сеточка мелких морщинок на его загорелом лице сразу исчезла.

— Почему вы так думаете?

— Уж очень чисто сработали, вернее — дерзко. Надо бы выяснить, кто в последнее время крутился у «Бирюзы».

«Ай да молодец Громов! С языка у меня сорвал», — в душе похвалил я товарища.

— Резонно, — согласился и Белов. — Вот вы с Наумовым и отработайте эту версию. Может, кто-нибудь из наших «крестников» отличился.

«Да!.. — подумал я. — Представляю, каково придётся моим друзьям. В городе проживает не один десяток человек, уже на практике познакомившихся с Уголовным кодексом. Кто из них где и как проводил вчерашний вечер? Выяснить это — задача не из лёгких. Очень даже не из лёгких!»

Однако Громова она ничуть не смутила. Он переглянулся с Наумовым, слегка подобрал, чтобы не помялись, светлые хорошо отутюженные брюки, сел на своё место и тут же быстро стал писать что-то в блокноте.

— Та-ак... — продолжил Белов. — А теперь ещё раз послушаем товарища Демичевского.

Он устремил на меня пытливый взгляд и после короткой паузы спросил:

— В чём нужна помощь? Зацепок-то почти нет.

Я опять встал, снова оглядел всех и сказал:

— Почему — нет? Есть. Взять хотя бы пропавшее такси. Это как раз такое звено, за которое мы можем ухватиться. Надо подключить патрульно-постовую службу и участковых инспекторов. Следует осмотреть все дворы, гаражи, тупики и переулки... Ведь где-то оставлена эта машина!

Белов кивнул. Я был уверен, эта мысль пришла и к нему.

— Теперь второе... Насчёт предположения Громова о том, что за «Бирюзой» велось наблюдение... В первую очередь нужно ещё раз опросить работников магазина и жителей прилегающих домов. Может, действительно в последние дни кто-то мозолил им глаза.

Белов снова молча кивнул и пометил в ежедневнике.

— И третье... Не мешало бы посмотреть дела о преступлениях, совершённых в городе с применением огнестрельного оружия. Сегодня я направлю для исследования пулю и гильзу, что нашли в магазине. Как знать, может, сопоставление данных проверок с материалами этих дел и выведет нас на след преступников.

Обговорив с оперативниками ещё ряд вопросов, я покинул кабинет Белова. С нетерпением стал ждать Бубнова. Он обещал прийти в десять, а на моих часах было уже двадцать минут одиннадцатого.

И тут же услышал негромкий стук в дверь. Поспешно откликнулся:

— Войдите!

В приоткрытую дверь сначала осторожно просунулась широколобая голова Бубнова, потом он сам возник на пороге. Смущённо улыбаясь, подошёл к столу и показал мне небольшой конверт.

— Вот. Принёс... Как просили.

Он аккуратно вскрыл конверт, бережно достал из него листок бумаги, расцвеченный акварелью.

Первое впечатление было — меня обманывают. Это не могло быть рисунком. Это цветная, мастерски выполненная фотография. Но шероховатость бумаги и некоторая расплывчатость красок на ней убеждали: портрет рисованный.

Но до чего запоминающееся лицо!.. Плотно сомкнутые узкие губы, тонкий нос, тревожно прищуренные миндалевидные тёмные глаза, нахмуренные брови, невысокий лоб и густые, как будто уложенные волосы.

Моё долгое молчание, вызванное изучением портрета, Бубнов воспринял как недоверие к его работе. Он смущённо пробормотал:

— Может, не совсем точно изобразил... Вечер был, да и видел-то человека мельком... Если бы он не в машине сидел, а в студии позировал, да при хорошем освещении...

В том-то и дело, а он ещё оправдывался! Если ничего не сочинил, то завидная зоркость у парня.

Я дружески обнял его.

— Всё хорошо. Этот портрет мы сегодня размножим и... Словом, спасибо!

Он покраснел, как девушка, вскинул на меня повеселевшие глаза:

— Тогда пойду? У меня скоро занятия.

Попрощались, и он ушёл. Мне тоже не сиделось в кабинете, хотелось немедленно показать портрет оперативникам Белова. Вдруг опознают в нём кого-нибудь из «крестников»?

Но, как говорится, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Все восхищались мастерством художника, крутили портрет так и сяк, однако признать в нём кого-либо не смогли.

— И всё-таки кого-то он мне напоминает, — мучительно соображал Наумов. — Кто это? Кто?..

«Ничего, выясним! — подумал я. — И выведем на чистую воду. Никуда теперь он от нас не денется. Для начала покажу-ка этот портрет Шляпниковой».

Я вернулся в свой кабинет, достал из сейфа специально приготовленные для подобных случаев два портрета других лиц, вызвал служебную машину и поехал в «Бирюзу».

Шляпникова в присутствии понятых долго

вглядывалась в портреты, затем указала на тот из них, что рисовал Бубнов, и чуть дрогнувшим голосом подтвердила: «Он! Очень похож на того бандита».

3

Домой опять возвращался поздно. По улицам ещё сновали машины, и я невольно приглядывался к ним — не промелькнёт ли такси с номером «37-38»? Ох, как была нужна мне эта машина! Твёрдо верил, что от неё потянулась бы ниточка к раскрытию разбойного нападения на «Бирюзу».

Жёлтых такси проносилось немало, но всё не те, не те...

Так, озабоченный, и пришёл домой. Не успел вытащить из кармана ключ от квартиры, как дверь распахнулась — и я увидел счастливое улыбающееся лицо Елены.

— Как хорошо!.. Как хорошо, что ты всё-таки пришёл, — порывисто воскликнула она и втянула меня в прихожую.

Я замер у порога.

— А что, собственно, случилось? Почему — «всё-таки»?

— Потом, потом скажу. Давай переодевайся — и ко мне, в мою келью.

И тут я заметил на Елене нарядное тёмно-зелёное вечернее платье и лёгкий белый шарфик.

— Какое-нибудь семейное торжество? — догадался я наконец.

Она молча кивнула.

— И моё присутствие тоже необходимо?

Ещё кивок. И мне ничего не оставалось, как подчиниться и наскоро привести себя в порядок. Не понимал только, почему торжество не в гостиной и так тихо в квартире?

Быстро снял запывлившуюся форму. Умылся. Надел белую рубашку, синий галстук. Сдул с костюма пылинки. Вгляделся в зеркало: на меня смотрел кудрявый, сероглазый, ещё молодой человек, прилично одетый и с не очень скучной физиономией... Так что вроде бы всё нормально, можно идти.

В комнате Елены чуть светилось крохотное бра на стене. Горел зелёный огонёк стоявшей

на полке магнитолы, слышалась приглушённая мелодия блюза. На журнальном столике, придвинутом к тахте, — вазочка с цветами, бутылка шампанского и торт. Елена сидела на тахте. Густые каштановые волосы рассыпались по плечам.

Присел рядом и спросил:

— А Екатерина Ивановна где?

И тут же в ответ услышал тихий серебристый смех:

— Разве со мной тебе не интересно?

Я окончательно растерялся.

— Почему же... — и чуть не с мольбой снова спросил: — Но объясни, пожалуйста, что всё это значит?

Лена привычным лёгким жестом отбросила со лба волосы.

— Мама уехала к тётушке на денёк. Мы с тобой одни... Понимаешь, вчера мне исполнилось тридцать. Мы думали отметить это событие вчера, но ты пришёл с работы очень поздно... Давай отметим его сегодня.

Обескураженный, я молчал. Так вот почему вчера она была такой грустной... Милая, добрая моя прекрасная Елена!

Машинально оглядел её комнату. Здесь я был впервые. Всё здесь дышало чистотой и уютом... Но почему мне такая честь? А у меня и подарка нет.

Я лихорадочно перебирал в памяти скудную обстановку моей комнаты.

Есть! Нашёл! Тут же сорвался с места:

— Я сейчас... Извини.

И помчался к себе.

Лена — большая любительница книг. Недавно я приобрёл по случаю замечательное издание романа «Русский лес». Леонов всегда привлекал меня своим глубоким философским мышлением, афористичностью речи, а тут вдруг — отлично изданный томик! Подписать его — дело одной минуты.

Увидев подарок, Елена вздохнула:

— Ах, Демичевский! Зачем это? Я же знаю, как тебе хотелось заполучить эту книгу.

Я поспешил развеять её огорчение.

— Ничего. Ещё достану. Лучше прочитай, что я там нацарапал.

Лена раскрыла томик и снова счастливо

улыбнулась, неожиданно наградила меня лёгким поцелуем:

— Спасибо за «Елену Прекрасную» и такой дорогой для меня подарок.

Мы сели на тахту. Всё так же приглушённо звучала мелодия блюза, в бокалах искрилось шампанское, нескрываемой радостью сияли глаза Елены.

— Расскажи мне о себе, Демичевский. Как ты жил, кого любил?... Сегодня я хочу всё знать о тебе. Всё!

В голове моей чуть шумело от выпитого вина и поцелуя. Музыка расслабляла, вызывала на откровенность. Хотелось окончательно размагнититься и раскрыться, рассказать о наболевшем.

И вспомнился далёкий старинный город. Тенистый парк. И девчонка на скамейке... Красивая девчонка, русоволосая, с глазами, наполненными тревогой.

«Ты не забудешь меня, Владик?»

«Я буду писать тебе каждый день!»

И писал. Все два года армейской службы. И ни на одну из девчонок не глядел. А Катюша не дождалась, вышла замуж за другого парня.

Нет! Об этом не стоило говорить никому. «Это моё, пусть оно во мне и останется», — думал я.

— Ну что ты молчишь? — спросила Лена.

А я не знал, что и сказать.

— Тогда потанцуем? — терпеливо предложила она, видимо догадавшись о моём состоянии.

И мы медленно поплыли в полумраке. Рука Елены лежала на моём плече, глаза, не отрываясь, смотрели в мои глаза.

— Ты всё ещё любишь её? — тихо спросила она.

И опять не нашёлся, что ответить. Врать нельзя, и правду сказать в такой вечер язык не поворачивался.

— Знаешь, давай не будем говорить обо мне. Всё-таки героиня вечера — ты! Лучше расскажи о себе. Извини за нескромность, почему ты не замужем?

Лена шутливо рассмеялась.

— Потому что таких плутов, как ты, не встречала.

Она остановилась.

– Но, если серьёзно, были предложения. Да душа ни к кому не лежала. Почему-то все лишь о себе и думают, о своём «я». А мне, Демичевский, не рабыней, а царицей быть хочется!

– Клеопатрой, что ли?

– Нет! Такой, как Суламифь. В любви своей – царицей. Понимаешь?

Я бестолково кивнул, и мы возвратились за стол.

– Хочешь кофе? – спросила Елена.

– Хочу.

Лена ушла на кухню, и вскоре по всей комнате разнёсся горьковатый аромат.

– Почему ты вчера так поздно вернулся? – спросила она. – Что-нибудь случилось?

– Да, – ответил. – Ищем пропавшее такси.

И, не вдаваясь в подробности, коротко поведал о вчерашнем ЧП.

– Ужас какой, – передёрнула плечами Елена. – Лучше расскажи что-нибудь весёленькое. Уж сегодня ты обязан развлекать меня.

Начал вспоминать. Но в голову лезли одни лишь криминальные истории. Лена рассмеялась.

– Ладно, не мучься.

И взяла мои руки в свои ладони.

– Какие у тебя красивые тонкие пальцы, Демичевский.

Я весь напрягся, почувствовав нежность её рук.

– Что ж в них хорошего...

– Не скажи... Глаза или лицо могут обмануть человека. А вот руки... В них, по-моему, вся душа... У тебя пальцы музыканта. Но ты ни на чём не играешь!

– Играю, – возразил с улыбкой. – На гитаре играю. Да всё никак не могу купить – в магазинах они нарасхват.

– У тебя очень красивые пальцы, – задумчиво продолжала Елена. И неожиданно приникла к ним губами.

У меня перехватило дыхание. Это был уже не тот мимолётный поцелуй, которым она наградила меня всего несколько минут назад... Руки мои сами потянулись к этой волнующей удивительной девушке. И я почти не слышал страстный, срывающийся шёпот.

– Подари мне их, подари!..

Боже мой, как в этот момент стучало в моих висках... С трудом оторвался от её губ и встал с тахты, чтобы не видеть откровенных глаз Елены.

– Потанцуем, Лена... Давай потанцуем...

4

Утром Елена варила для меня кофе.

– Спасибо за вчерашний вечер, – сказала она тихо.

Кусок бутерброда застрял в моём горле. Хорош вечер! При первой возможности удрал как мальчишка. А она ещё благодарит!

Лена словно подслушала мои мысли.

– Не переживай так, Демичевский. Я сама вела себя глупо... А пальцы свои мне всё-таки срисуй. Срисуй, Демичевский.

– Будет сделано, – шутливо пообещал я, лишь бы что-то ответить. – Потом можешь поместить рисунок в рамку, раз они так тебе понравились.

Пил кофе и никак не мог разобраться в себе: стыжусь, что не ответил на вчерашний порыв Лены, или сожалею об этом?

– Я провожу тебя, – сказала Лена.

И я заметил, что одета она по-дорожному.

– Куда-то собираешься ехать?

– Да... Ненадолго.

Мы вышли на улицу. Лена проводила меня до бульвара. Шли и молчали. Молча и разошлись, лишь смущённо улыбнувшись друг другу.

Честное слово, на работе легче! Там и самое запутанное дело не кажется таким уж неразрешимым. Даже ЧП с магазином.

Расстроенный, свернул к горотделу. Не успел подняться в свой кабинет, как на пороге появился возбуждённый Наумов.

– Лебедев звонил. Насчёт пропавшей машины. Нашлась, говорит!

Лебедев – наш лучший участковый. Его слову я верю как своему.

– Где? Где эта машина?

– Дачная, 15.

– Начальству докладывал?

– А как же! Дана команда выезжать. Все уже в сборе.

В нашем «уазике» и впрямь было не повернуться: оперативники, эксперт Губин, кинолог с собакой... «Уазик» сорвался с места и помчался по улицам за город, в дачный посёлок.

– Как нашли? – спросил я Наумова.

– К Лебедеву мужичок с утра пришёл, местный плотник Егоров. Так, мол, и так. Слышал, милиция машину ищет. Не она ли за его сараюшкой стоит? Лебедев – сразу туда. Действительно, за сараем – такси жёлтого цвета, номерной знак «37-38». Он и позвонил нам... Интересно, почему преступник оставил машину именно там?

Шофёр, хорошо знавший дачный посёлок, без особого труда отыскал нужную улицу.

Дорога, где местами были выбиты куски асфальта, узкой лентой вилась по посёлку и за одним из поворотов неожиданно оборвалась у небольшого, в два окна по фасаду, кирпичного дома с палисадником и сараем, за которым стеной стоял густой и тёмный лес.

Из-за сарая выплыла коренастая фигура Лебедева. Он одёрнул на себе китель, поправил сбившуюся набок фуражку, неторопливо подошёл к нам и коротко доложил обстановку. Теперь можно было приступить к осмотру.

Жёлтая «Волга» сиротливо стояла в тени за сараем. С улицы было невозможно увидеть её. Наверное, поэтому и оставил машину здесь преступник. И на земле знакомый, очень знакомый рисунок от протектора «Волги». С той же характерной шербинкой...

Я подал членам опергруппы команду, и у нас началась привычная работа, без спешки и суеты. Каждый делал что положено. Мы фотографировали, чертили план местности, изучали почву в поиске следов. Главным было – не упустить малейшей мелочи, которая, как чаще всего и бывает, могла оказаться самой существенной для дела.

Я решил поговорить с Егоровым: когда увидел здесь эту машину? не заметил ли, кто оставил её? Однако ничего нового для меня не услышал и прошёл к сараю. Там Губин увлечённо колдовал над машиной. Обработывал химическим составом приборный щиток, рулевое колесо, дверные ручки... Никаких следов!

– Наверное, действовали в перчатках, – огорчённо высказался Губин и устало опустился на траву. – Либо стёрли следы. Мастаки, видать!

С досады я тоже чуть не выругался.

– Может, попросить в помощь экспертов областного УВД?

– Не надо, – отверг предложение Губин. – Сами управимся.

Он резко поднялся.

– Все следы не уничтожишь!.. Это они, «мастаки», думают иначе. А нас не проведёшь! Что-нибудь да осталось. Как говорится, сколько б ниточке ни виться, кончик всегда найдётся! Отгоним «Волгу» в отдел и будем разбирать машину.

Так и решили. К тому же здесь нам больше делать было нечего: собака след не взяла – слишком много времени прошло, а Наумов с Лебедевым тоже возвратились с обхода домов ни с чем – никто из жителей не приметил приехавших в такси.

Я проголодался и потому по дороге в отдел вышел из машины у кафе, чтобы немного перекусить.

– Передохнул маленько? – дружески обнял меня за плечи Наумов, как только я вновь появился в отделе.

Я улыбнулся ему и тоже спросил:

– Что Губин?

– Разбирает с гаишниками машину. Уже демонтировали рулевое колесо, переключатель скоростей.

– Нашли что-нибудь?

– Пока не знаю.

– Пойду-ка посмотрю,

– Желаю удачи!

Я вышел во двор и стал ждать там результатов осмотра. Время тянулось медленно, порой казалось, что оно остановилось. Наконец услышал радостный возглас Губина:

– Есть пальчики!

– Где? – заторопился к нему.

– На обратной стороне руля. Да и на рукоятке ручного тормоза, на рычаге переключателей скоростей... Я говорил – найду!

Зафиксированные отпечатки Губин тотчас же унёс в лабораторию. И выяснилось, что во-

дителю Власову и его сменщику Водолазкину они не принадлежат.

А в небе уже зажглись первые звёзды... Усталые, мы разошлись по домам.

5

Утром я присоединился к Наумову, занятому изучением уголовных дел, выделенных в отдельное производство в связи с розыском преступников. В горле першило от перелистывания пыльных страниц многотомных дел. Яркий свет лампочки вызывал резь в глазах. Мы кашляли, чихали, протирали воспалённые веки, но всё листали и листали страницы.

И вот вроде бы пришла удача. Моё внимание привлекло дело о разбойном нападении в городском парке, где на месте происшествия были изъяты две гильзы, очень похожие на ту, что мы обнаружили в «Бирюзе».

— Ну-ка, ну-ка... Дай посмотреть, — попросил Наумов и забрал у меня дело.

— Так ведь это Соловьёв, твой предшественник, по нему тогда работал! — воскликнул он через минуту. — Преступников было двое — какой-то Эдик и Пикулин. А взяли лишь Пикулина. Его одного и судили: не знает, мол, второго, и всё!

— Оружие изъяли? — быстро спросил Наумова.

— Нет, в том-то и дело. Якобы у второго осталось. Да и потерпевшие, супруги Ладыгины, говорили, что пистолет был в руках у второго преступника.

Я ещё раз пролистал дело. С фотографии в профиль и анфас на меня смотрел молодой белобрысый парень, никак не похожий на того, кто учинил налёт на «Бирюзу»... Я записал данные о его личности.

— Сколько ему дали? — опять спросил Наумова.

— Семь лет.

— Проверь — не сбежал ли, не освободился ли досрочно.

Наумов кивнул, а я продолжал читать показания потерпевших о внешности второго преступника. И замерло сердце: тёмные волосы, смуглое лицо... Хорошо разглядеть не ус-

пели, но полагают, что при встрече узнали бы. Глаза запомнились: чёрные, с густыми длинными ресницами. Показания дополнял композиционный портрет преступника. Похож! Очень похож на того, кто стрелял в «Бирюзе».

Наумов тоже внимательно всмотрелся в портрет.

— Слушай, — возбуждённо обратился он ко мне, — а ведь это он — кого мы ищем. Помнишь, я вспоминал, где его видел? И вот, гляди-ка, снова этот мерзавец выплыл. Да по какому делу!

Я записал домашний телефон потерпевших, чтобы вызвать их, поговорить с ними и показать портрет, что принёс мне Бубнов.

К вечеру мне стало известно, что гильза, изъятая в «Бирюзе», и гильзы, проходившие по уголовному делу Пикулина, идентичны и что преступник пользовался оружием калибра 7,65. Возможно, в парке и в магазине действовало одно и то же лицо. Кто этот человек? Кто?

В дверь моего кабинета постучали. Это были Ладыгины. По телефону я просил их зайти ко мне по возможности сегодня же. И они с пониманием отнеслись к моей просьбе.

Супругам лет под сорок. Выглядели довольно интеллигентно, оба высокие, стройные. Несколько взволнованные вызовом... Коротко объяснил им, в чём дело, и, пригласив понятых, выложил на стол перед Ладыгиными дюжину портретных рисунков. В их числе и работу Бубнова.

Даже не разглядывая, сразу указали на портрет брюнета:

— Он!

— А не ошибаетесь? — спросил я. — Внешность его, конечно, примечательна, но всё же?

Волнуясь, Ладыгина принялась объяснять:

— Понимаете, он очень дерзко вёл себя. Другой-то парень помалкивал, лишь сумочку у меня взял, что я сама протянула ему. А этот...

— Я бросился к Людочке на помощь, — добавил муж. — А этот бандит выстрелил в меня! Забудешь ли такое?

— А что делал в это время второй преступник?

— По-моему, он не ожидал такого поворота.

Закричал: «Эдик! Эдик! Да ты что!..» Думается, он об оружии не знал.

Я попрощался с Ладыгиными. И, как только они ушли, достал из папки составленную мной справку о личности Пикулина.

«Пикулин Игорь Константинович, 1959 года рождения. Образование среднее. Холост. Родственников не имеет. Ранее не судим. До ареста работал на заводе «Метиз» слесарем. Занимался в секции бокса спортивного общества «Труд». Имеет первый спортивный разряд...»

Значит, не совсем потерянный человек. Почему же скрывал напарника?

Я схватился за телефон, набрал номер Наумова. В трубке долгие гудки. Наконец Сергей ответил. Судя по голосу, он изрядно запыхался.

– Наумов. Слушаю вас...

– Привет, Серёжа! Что так загнанно?

– А-а, это ты, Владик... Дай дух перевести... Задержанного доставляли. Он так вырывался – насилие с Грозовым управились...

– Запрос о Пикулине сделал? – поторопился спросить я Наумова.

– Да. По телетайпу.

– Ну и как? Что ответила колония?

– Жив и здоров. На месте.

– Это далеко?

– Да километров двести от нас. В посёлке Прибрежном... Уж не хочешь ли скатать к нему?

– Угадал. Хочу. Поговорить надо. Я Ладыгиных повидал. Убеждён теперь: в лесопарке и в «Бирюзе» стрелял один и тот же человек – Эдик. Вероятно, о нём-то и умолчал Пикулин в суде.

– Когда думаешь ехать?

– При первой возможности.

– Желаю успеха.

Я положил трубку, задумался. Почему смолчал Пикулин? Из чувства товарищества? Из страха перед Эдиком? Так ведь Пикулин – спортсмен. Боксёр!..

Да-да... Боксёр... А как личность? Что он за человек, кто скажет? Кто знает его лучше – мастер? Тренер? Надо бы встретиться с ними. В деле-то Пикулина о них ни строчки.

Я взглянул на часы. Время уже позднее. Можно было двинуться к дому.

А дома после ужина Лена постучала в мою дверь:

– Можно?

– Конечно, заходи!

Лена проскользнула в комнату, и я с удивлением заметил в её руках гитару.

– Вот, играй на здоровье.

Гитара на вид совсем новая. Даже струны не натянуты.

– Где взяла?

Лена отвела глаза и как-то чересчур беспечно ответила:

– У подруги выпросила. Всё равно валялась без дела. Так что владей. Отведи душу.

Лена, Лена!.. Так вот почему вчера она так неожиданно умчалась в Москву. Это же она за гитарой ездила! Сердце моё переполнилось нежностью.

– Спасибо, Леночка. Спасибо за царский подарок. И как хорошо, что у тебя такая отзывчивая подруга. Передай ей, пожалуйста, что отныне и я буду её самым верным и преданным другом.

Лена вскинула брови, долго и молча смотрела на меня, стараясь понять, шучу я или говорю серьёзно. Наконец истинный смысл моих слов дошёл до неё. Лицо Лены вспыхнуло от смущения, и она торопливо ответила:

– Хорошо, хорошо, передам... А ты сыграй мне что-нибудь.

– Прямо сейчас?

– Если не занят, конечно.

Я настроил гитару, тихонько потрогал струны. Начал негромко напевать:

Живёт моя отрада

В высоком терему.

А в терем тот высокий

Нет хода никому...

Гитара в руках подрагивала. Дрожал и мой голос, пощипывало подушечки пальцев... Как давно я не играл!

Подперев ладонью голову, Лена, казалось, не столько слушала, сколько внимательно разглядывала меня, будто нашла во мне нечто такое, что ей доселе не было ведомо.

Я взял новые аккорды и, стараясь развеселить, шутливо принялся напевать новую песенку.

Лена заулыбалась.

— А ты, оказывается, ещё и артист. Вот не знала!

Я отложил гитару и, подражая Карлсону, продолжил дурачиться:

— О! Я самый лучший в мире артист! Самый талантливый!

Лена рассмеялась, но в этот момент в прихожей раздался звонок. Она подскочила со стула и почти выбежала из комнаты. В открытую дверь мне было хорошо видно, как высокий молодой блондин с церемонной вежливостью протянул Елене огромный букет цветов, а Лена, улыбаясь, провела гостя в свою комнату.

Через минуту она возвратилась и с улыбкой сказала мне:

— Это Румянцев Славик. Поиграй без меня. Ладно?

Я пожал плечами: Славик так Славик. Знаю, что в одной школе с ней работает...

Лена снова улыбнулась и тут же исчезла. Мне почему-то было неприятно слышать их весёлые голоса за стеной. А ведь опять так хорошо начинался вечер!..

6

... Как-то незаметно наступила пятница. Думал, она что-нибудь прояснит в отношении «Бирюзы», но... И мне ничего не оставалось делать, как выправить командировочное удостоверение и ехать в исправительно-трудовую колонию к Пикулину. Решил предварительно встретиться с его бывшим тренером Сляром и мастером слесарного участка завода «Метиз» Хлебниковым.

Созвонился сначала с тренером.

— Я ему не нянька, — ответил он тоном, не допускающим возражений. — Своих забот хватает. Скоро снова республиканские... Мне могут «заслуженного» присвоить. И я знать ничего не хочу об этом бандите Пикулине.

«Нет, — подумал я, — не присвоят ему звание! Быть такого не может. Кто-нибудь да увидит, что он за человек. Вряд ли его подопечные добьются на соревнованиях каких-либо успехов: школа не та! Не та школа!..»

«Эх, была не была! — решил я. — Махну-ка сразу и к мастеру. Без предупреждения. Чего тянуть? Пусть уж и с ним прояснится сегодня».

На остановке заскочил в распахнутые двери троллейбуса и совсем скоро уже был в уютной двухкомнатной квартире Хлебниковых. Хозяин — подвижный, хотя и немолодой, встретил меня без какой-либо тревоги и смущения. Радушно проводил в большую комнату и наказал жене, симпатичной улыбчивой блондинке, «быстренько сообразить что-нибудь на стол». Вскоре из красивых чашек вился душистый парок крепко заваренного чая, и беседа за столом сама собой становилась всё более непринуждённой и доверительной.

— Да, золотые у Игоря руки. Цены им нет! — горячо характеризовал Пикулина Хлебников. Он отодвинул недопитую чашку. — Бывало, что ни поручишь: штамп какой сделать или приспособление... ещё и чертежей нет порой, одна задумка — в момент справится. Посидит, покумекает, что-то прикинет, что-то примерит... Глядишь — готово уже!

— Значит, неплохой был парень. Как же тогда всё так с ним получилось? — спросил я.

Хлебников вздохнул, расстегнул на волосатой груди рубашку, откинулся на спинку стула.

— Что скрывать — упустили мы его. Парень работал как надо. А коль с заданием справлялся, не подводил, а порой и выручал коллектив, то особой тревоги за него не испытывали.

Хлебников налил нам ещё по чашке чаю и продолжал вспоминать.

— Как-то раз, правда, пришёл он на смену словно после крепкого подпития. Глаза красные, веки опухли, голос сиплый. «Что это ты себе позволяешь!» — сказал ему. А он в ответ: «Извини, Пал Пальч. Так уж случилось». Ну, я и отстал. А зря. Надо было допытаться, что да к чему. Глядишь, и уберёт бы парня.

— Только раз так было?

Хлебников неторопливо прихлебнул из чашки.

— Так — только раз. Хотя ребята сказывали — по ресторанам он хаживал.

— Говорят, был чемпионом города по боксу?

— Да, славу имел. Но она ведь не только радость. Иных и отравить может. Не каждый перед ней устоит, особенно когда ему ещё восем-

надцать... Я потом с тренером его схватился. Как же, мол, ты допустил, чтобы споткнулся парень. Так ведь Скляр меня и слушать не стал. Мол, авторитет его подрываю. По-моему, дрянной он человек!

Я промолчал, хотя был полностью согласен с такой аттестацией.

— А вы, собственно, почему интересуетесь Игорем? Он что-нибудь опять выкинул? — спросил Хлебников.

— Нет-нет, — поспешил я успокоить. — Просто кое-что осталось невыясненным в его деле. Вот и хотелось бы поговорить об этом. Он ведь не один был в тот злополучный вечер. А вот назвать соучастника не захотел. Как считаете — почему?

Хлебников отставил в сторону чашку.

— Всякое может быть... — ответил задумчиво.

— Парень-то он душевный, даром что сиротой рос. Может, пожалел кого, вот и умолчал о нём. Я Игорька знаю: горе у кого или забота большая — всего себя этому человеку отдаст. Уж очень отзывчивый. И помяните моё слово: здесь тоже что-нибудь такое случилось... Вы с ним будете говорить?

— Буду.

— Имейте это в виду. И привет от меня передайте. Скажите, Пал Палыч на него хоть и в обиде за ЧП, но в любое время готов принять на участок. Да и ребята по-хорошему о нём вспоминают. Я, правда, писал ему об этом, да он на письма не отвечает. Верно, стыдится за себя. Только зря замыкается. Вы и это передайте. Мол, верим в него, в его рабочую струнку верим. Так и передайте, ладно?

— Так и передам, — заверил я. — Спасибо вам, Пал Палыч.

— За что же спасибо?

— И за прямоту вашу, и за радушный приём... За всё!

Я допил чай, поднялся из-за стола.

— Ну... Мне надо идти.

Он несколько растерянно протянул руку. Я с чувством пожал её:

— До свидания!

— А может, посидим ещё?

Я качнул головой и вдруг поймал себя на мысли, что не выяснил ещё один вопрос.

— А Эдик у вас на участке есть?

— Нет такого, — ответил Хлебников. — Ни на участке, ни в цехе.

Я ещё раз попрощался с ним и гостеприимной хозяйкой и покинул квартиру.

На улице уже стемнело, стало прохладнее. Неторопливо двигался к своему дому и медленно проигрывал в памяти сегодняшние встречи... Как хорошо, что на свете есть Хлебниковы! Обязательно скажу Пикулину, чтобы держался своего Пал Палыча.

На углу улицы, под ярким фонарём, какая-то дородная тётя всё ещё торговала фиалками. Правда, в корзине осталось лишь несколько букетиков. Купил все. Для Лены. И сделал это с превеликим удовольствием. Давно хотелось осыпать её цветами. А тут — вот они!..

И в радужном настроении продолжал шествовать к дому. Нёс фиалки, а видел изумрудные глаза Елены, её нежные белые руки, милую улыбку... И вдруг заметил у подъезда дома знакомую долговязую фигуру Славика Румянцева. Слоняется туда-сюда... Я быстро спрятал фиалки за спину: только бы он не увидел их.

Румянцев тоже узнал меня, остановился.

— Здравствуйте, — сказал он, почему-то счастливо улыбаясь.

— Привет, — нехотя ответил я. — А где же ваши цветы?

— Цветы? Ах, цветы!.. Они у Лены. Она всегда так радуется им.

— Значит, вы уже от неё? — злость просто распирала меня. — Тогда что же всё у подъезда топчетесь?

— Вот... Уходить не хочется...

— Ну-ну. Побродите под окнами, спойте серенаду...

В глазах Румянцева проявилась растерянность. Он озадаченно спросил:

— Зачем вы так?

А мне и самому уже было неудобно за издёвку. Парень как парень... Чего на него взелся? И какое мне дело, кто кому дарит цветы и почему их принимают.

— Простите, — сказал я. — Всего вам хорошего.

Я проскользнул боком в подъезд и на своём

этаже выбросил фиалки в мусоропровод. На душе сделалось так тяжело, будто вместе с цветами выбросил ещё что-то, дорогое-дорогое, без чего и жить нельзя, наверное. Осторожно, стараясь не греметь, вставил ключ в замок, открыл дверь и почти на цыпочках стал красться в свою комнату.

Но не тут-то было. Дверь кухни стремительно распахнулась, и в проёме возникла Елена.

— Добрый вечер!.. Что такой смурной?

— Разве? — заговорил я. — Зато второй, у подъезда, млеет от счастья.

Весёлые искорки в глазах Елены погасли. Она смотрела на меня непонимающим взглядом.

— О ком ты говоришь?

Но мне не хотелось вдаваться в объяснения, и я молчал.

Лицо Елены стало задумчивым.

— Слушай, Владик, — тянула она слова, впервые называя меня по имени. — Уж не ревнуешь ли ты? Вот не ожидала!

А ведь в точку попала. И для меня это ужасное чувство было тоже полнейшей неожиданностью. Ишь, какой Отелло выискался!

Попытался скорее ретироваться, но Елена сердито остановила:

— Нет, Демичевский. Давай договоримся: мои друзья — это мои друзья.

Скрип двери заставил её умолкнуть. В коридоре появилась встревоженная Екатерина Ивановна:

— Леночка, милая... Что тут у вас?

Лена бросила на меня обиженный взгляд и, не ответив, ушла. Я смущённо смотрел на Екатерину Ивановну, она — на меня.

— Владислав Викторович, что случилось?

— Ничего. Так, поговорили... Вы не беспокойтесь.

Она недоверчиво покачала головой и торопливо вернулась в комнату.

Мне сделалось совсем нехорошо. Что я за остопоп такой! Сам себе всё испортил.

Так и заснул с гнетущим чувством чего-то тяжёлого, почти непоправимого. С тем и проснулся утром, весь в холодном поту от мучивших во сне кошмаров. В мыслях только Елена, её глаза, полные обиды. Что же это со

мной, думал. Неужели всё-таки опять втрескался? Всерьёз, по-настоящему. Разве такое бывает?..

Прошёл в ванную комнату, прислушался — кто на кухне? Если там Елена, лучше уйти из дому без чая. Думал, мне теперь и не взглянуть на неё. Но на кухне было тихо. А времени — уже восемь... Быстро умылся, оделся... На кухне по-прежнему ни шороха. Меня уже томила эта тишина. Прошёл туда, налил чай и как можно медленнее прихлёбывал из чашки. Мне уже не хотелось быть одному. Хотелось хотя бы на миг, всего на мгновение, но увидеть Елену, её лицо, её глаза: что будет в них — всё та же милая улыбка или?.. Про «или» и думать было страшно. От «или» свет стал бы не мил.

Словно угадав моё желание, появилась Лена.

— С добрым утром! — сказала она, лукаво поглядывая в мою сторону.

— Здравствуй! — счастливо откликнулся я. От этих её слов и взглядов у меня будто гора свалилась с плеч. Лена!.. Моя Прекрасная Елена! Ты снова, думал я, идёшь мне навстречу. Такому упрямому и бестолковому. За что мне этакое счастье?

7

Вскоре я уже ехал в колонию. За окнами вагона электрички сначала медленно, а потом всё быстрее проплывали пристанционные постройки, жилые дома и деревья, мелькали зелёные поля и перелески, ручейки и речушки... Всё это автоматически фиксировалось в моём сознании, не вызывая каких-то особых эмоций, лишь уводило мысли к предстоящей встрече с Пикулиным: вдруг разговор не получится? И вообще — как он там, чем занимается?

Электричка замедлила ход и скоро встала у небольшого вокзала. Прибрежный! В вагоне зашевелились. Я тоже поднялся, двинулся к выходу. У привокзального скверика сел в автобус и поехал до самой окраины посёлка. Там, как объяснили мне попутчики, нужно было выйти на просёлочную дорогу, и уж она-то привела бы к колонии.

И в самом деле, минут через двадцать пере-

до мной предстал бетонный забор с вышками на углах, массивными железными воротами и небольшим помещением КПП — контрольно-пропускного пункта колонии. В узком шлюзовом пенале КПП я передал в окошко своё служебное удостоверение. Молодой прапорщик охраны сначала внимательно просмотрел удостоверение, потом перевёл взгляд на меня, затем спросил, к кому из сотрудников хочу пройти.

А к кому же ещё как не к начальнику? Накануне ему уже сообщили о необходимости нашей встречи. Прапорщик с кем-то созвонился, попросил меня подождать немного. Вскоре появился пожилой седоволосый капитан и предложил мне пройти за ним в «зону», в штаб.

— Я провожу вас к начальнику, — пояснил он.

— Как мне его называть? — спросил я по дороге.

— Майор Васильев. Николай Алексеевич. А я его заместитель по воспитательной работе с осуждёнными...

Васильев на вид был моложе своего заместителя — лет сорок, не больше. Круглолицый, широкоплечий, по-военному подтянутый. Он встретил меня в своём кабинете приятной, располагающей улыбкой. Энергично пожал мне руку, радушно усадил за свой большой рабочий стол с приставленным к нему маленьким столиком.

Я попросил Васильева рассказать о Пикулине: что он за человек, чем здесь занимается, как относится к своему преступлению?

— Ну, сейчас-то он не на плохом счету, — быстро откликнулся Васильев. — В передовиках, правда, не ходит, но и замечаний особых не имеет. А вот два года назад... Да вы посмотрите его личное дело, почитайте характеристики.

Васильев пододвинул ко мне лежащий перед ним на столе толстенный том дела. Я с интересом принялся листать страницы.

«По характеру замкнут. В коллективе ведёт себя обособленно. Ни с кем не переписывается, работать не желает. На убеждение и примеры возвращения к честной трудовой жизни

других таких же осуждённых не отзывается, к администрации и к её наставлениям относится с недоверием...»

«...Преступление своё осуждает, приступил к работе на производстве, но по-прежнему считает, что к настоящей жизни на свободе он уже не пригоден. В отчаянии, что она проходит мимо него...»

«Впервые перевыполнил месячное задание. Поощрён правами начальника отряда...»

Да... Тут всё было как в зеркале. Захотелось сейчас же посмотреть и на самого Пикулина, поговорить с ним.

Васильев вызвал дневального и попросил привести Пикулина. Спустя несколько минут раздался негромкий стук в дверь.

— Войдите, — откликнулся Васильев. В кабинете появился невысокий парень в тёмной хлопчатобумажной куртке и таких же брюках. Снял с головы фуражку, вытянулся у порога и чётко доложил, обращаясь к Васильеву:

— Гражданин майор, осуждённый Пикулин Игорь Константинович, статья 146, часть вторая, срок — семь лет, по вашему вызову прибыл.

— Проходите, садитесь, — пригласил его к маленькому столику Васильев.

Прежде чем сесть, Пикулин бросил на меня быстрый озабоченный взгляд. Чувствовалось, сообразил, что его вызов связан с моим присутствием здесь. Он присел напротив меня. Снова окинул быстрым взглядом. По всему было видно, что его тревожил мой штатский вид и он никак не может догадаться, кто я и что мне от него надо.

— Вы уж тут без меня побеседуйте, — обратился ко мне Васильев. — А я вас пока оставляю. Понадоблюсь — нажмите кнопку на столе.

И вышел, подбадривающе кивнув Пикулину. На мгновение в кабинете воцарилась тишина.

— Я из Рыбнинска. Следователь отдела милиции капитан Демичевский, — представился я Пикулину. — Мне нужно о многом поговорить с вами.

Он с ещё большей настороженностью вскинул на меня светло-серые глаза и тут же отвёл их в сторону. Весь его скованный вид подсказывал, что говорить ему со мной не очень-то и

хочется. Нужен был какой-то подход, чтобы вызвать его на откровенность. Но какой?

— Курите? — я спросил Пикулина и придвинул к нему пачку «Беломора».

Он молча вытащил папиросу, прикурил. Закурил и я.

Пикулин не смотрел на меня. Часто затягиваясь, косил глазами в угол. Кисти рук у него широкие, пальцы загрубевшие, по-настоящему рабочие.

И тут мне вспомнился разговор с его мастером.

— А вам привет от Хлебникова.

Голова Пикулина произвольно задёргалась. Он недоверчиво посмотрел на меня.

— От кого, от кого?

— От Пал Палыча, мастера вашего.

— Не может быть...

— Почему?

— А когда вы с ним виделись?

— Вчера.

— И он ещё помнит меня?

— Не только помнит, но и всей душой переживает за вас. Готов в любое время принять на свой участок. Считает вас первоклассным слесарем. Или ошибается?

— А вы-то к нему с какой стороны?

— Да тут вот как всё получилось... В связи с одним происшествием пришлось нам поднять ваше дело. Так на Пал Палыча и вышли. И разговорились о вас.

— А что за происшествие? Почему понадобилось изучать моё дело?

— Что за происшествие? Мы ещё к нему вернёмся. Вы лучше вот что скажите: кто всё-таки два года назад был с вами в тот злополучный вечер тридцатого сентября, когда двумя выстрелами из пистолета был ранен гражданин Ладыгин?

Пикулин поморщился, загасил в пепельнице окурочек.

— Я уже говорил на суде — не знаю.

— Ну, Пикулин... А мне здесь рассказывали, что вы вроде бы за ум взялись. Если так, зачем опять заводите старую песню?.. Вот выйдете из колонии, начнёте новую жизнь. И вас не будет тяготить то, что человек, втянувший вас когда-то в грязное дело, всё ещё на свободе и, быть может, совершает новые преступления?

— Значит, он всё ещё не пойман.

— Пока нет. Ведь вы упорно покрываете его. Пикулин снова отвёл глаза.

— И всё же... Что он ещё натворил? — глухо спросил он через минуту.

— Совершил разбойное нападение на магазин.

В глазах Пикулина засквозило недоверие.

— Почему думаете, что он?

— Его опознали. И потом... При налёте на этот магазин и при ограблении Ладыгинных стреляли из одного и того же оружия. Что за оружие, Пикулин?

Он опустил голову:

— Не знаю.

— Кто этот человек? Как вы с ним познакомились?

Парень молчал, упорно смотрел в сторону.

— Да поймите же вы!.. — начал я заводиться, но спохватился — остановил себя. Заводиться-то мне было и нельзя. Ну никак нельзя. Ради моего дела. Ради всех тех, кто вскоре мог вновь оказаться жертвой Эдика.

— Поймите, — приглушил я голос, — быть может, сейчас, пока мы с вами разговариваем, этот человек снова в кого-нибудь стреляет. В того же Пал Палыча, не дай бог!

— Разрешите ещё папиросу, — нервозно попросил Пикулин.

Я пододвинул к нему «Беломор». Пикулин закурил, жадно затянулся.

— Так кто этот человек? Как зовут его?

— Эдик, — тяжело вздохнул Пикулин. — А вот фамилию, где живёт и работает, не знаю. Честное слово, не знаю.

— Когда и как вы с ним познакомились?

Он опять сделал несколько глубоких затяжек.

— Три года назад. В ресторане «Солнечный». Не рассчитал я немного, оказался перед официантом банкротом. Дружков своих выпроводил, а чем расплачиваться — не знаю. Тут Эдик и подсел ко мне. Расплатился за меня и ещё заказ сделал. Мол, рад познакомиться с чемпионом. Расстались друзьями, потом пересекались. Вот так всё и началось.

— Что — всё?

— Ну... моё падение, что ли... Поверьте, это

вышло случайно. Как раз в тот вечер, тридцатого сентября, денег не оказалось ни у меня, ни у Эдика... Договорились с официантом, что подождёт с часок. А сами нырнули в парк, как раз рядом с рестораном... Если бы я не так пьян был, домой скатал бы или занял денег у знакомых. А тут он всё подзуживал: давай выйдем, у первых попавшихся червонцев попросим, скажем — потом, мол, отдадим. Опомнился я, когда он уже стрелять начал. Как и куда я потом бежал — не помню. Только кто-то догнал, скрутил меня в бараний рог и сунул в «канарейку»... в машину, значит, вашу.

— Почему на следствии и на суде промолчали?

Пикулин грустно усмехнулся.

— Эдик ещё до суда как-то сумел переслать мне в СИЗО записку. Мол, дьявол попутал. По гроб будет обязан, если умолчу о нём. Свадьба, мол, у него скоро, зачем и невесте жизнь портить... Неужели всё заливал?

— А кто невеста? Видели её?

— Девчонок-то у него много было. Может, Светка? В сентябре он всё с ней крутился. Фамилию, правда, не знаю... Где-то парикмахершей работала.

Вот так, слово за слово, и прояснилась картина. Оставалось предъявить Пикулину рисованный портрет Эдика. Я выложил из своего портфеля на стол рисунки.

— Может, узнаете кого... — спросил Пикулина.

— Вот, — он указал на портрет Эдика.

Пикулин снова опустил голову. И, пока я разглядывал его, он думал о чём-то своём. Я понимал, что происходит в его душе. Негромко спросил:

— Что передать Пал Палычу?

Пикулин вскинул голову, глаза ожили:

— Скажите... пусть ждёт. Скажите, отхожу понемногу от нокаута. Другого такого не будет. Да я сам напишу ему.

— Вот это верно, — одобрил я. — Таиться от него не надо. Золотой он человек!

— Это точно! — отозвался Пикулин. И глядел уже заметно веселее.

8

И снова — электричка. Я возвращался в Горотдел. Опять стучали на стыках рельсов колёса поезда, за окнами вагона — уже знакомый мне пейзаж. В голове мысли о Громе, о Наумове: у них что нового?

И, конечно, думал о Лене. Неприятно мелькала в голове навязчивая мысль: почему Лена принимает ухаживания Славика?

Первый, кто в понедельник утром попался мне в отделе, — это Громов. Увидев меня, он приветливо улыбнулся.

— Привет! Уже вернулся!

Мы обменялись рукопожатием.

— Как съездил? — спросил Громов. — С результатом или вхолостую?

— Нормально, — ответил я. — Пикулин, в сущности, неплохой парень. Рассказал всё, что нужно.

— А я по нашему делу ещё одного свидетеля отыскал, — радостно сообщил Громов.

— Что ещё за свидетель? — заторопился я уточнить.

— Помнишь, мы договорились у Белова ещё раз пройтись по квартирам в районе «Бирюзы»? — как всегда многословно, принялся рассказывать Громов. — А там как раз в одном из домов живёт мой бывший подшефный Бучкин. Ну, я и решил заглянуть к этому «крестнику». Вчера вечером зашёл к нему и откровенно так спросил: «Слышал, что в «Бирюзе» случилось? Накануне не встречал ли поблизости кого из корешей? Пожал он плечами, а сегодня утром и позвонил: мол, вспомнил, что не раз видел у ювелирного магазина Камилова — своего давнего знакомого, с кем вместе однажды отбывали пятнадцать суток. Мол, чего это Эдик крутился у магазина, не он ли там нашкодил?

— Портрет разыскиваемого показывал? спросил я Громова.

— А как же... Опознал его Бучкин. Камилов был в «Бирюзе».

— Где живёт он, выяснил?

— Нет ещё, — огорчённо ответил Громов.

— Как думаешь, сколько ему лет? — не отставал я с вопросами.

— Двадцать пять, не меньше.

Снять телефонную трубку и позвонить в адресное бюро — дело нескольких секунд, и вскоре в моём блокноте появились два адреса: Камилова Эдуарда Каюмовича, 1957 года рождения, и Камилова Эдуарда Георгиевича, 1954 года. Первый проживает по улице Большая Садовая, 17, квартира восемь, второй — Заводская, 10, квартира двадцать восемь. Другие однофамильцы Камилова в адресном бюро не значились. Кто из этих двух побывал в «Бирюзе»?

— Придётся проверять обоих, — забеспокоился Громов.

— Зачем обоих, — возразил я. — Интересующий нас Камилов, как ты слышал, отбыл пятнадцать суток. Надо поднять материалы, там его адрес тоже указан.

— Точно! — оживился Громов. — И как это я не сообразил. Бывают заскоки — что ближе лежит, то и далеко!

— Ничего, ничего... Действуй! Доводи дело до конца. Белов здесь?

— Здесь. Тебя ждёт.

И я отправился к Белову.

— Прибыл? — с озабоченным видом приподнялся он из-за стола, отвечая на приветствие.

— Не зря съездил?

Я коротко рассказал о встрече с Пикулиным и разговоре с ним.

— С Громовым виделся? — спросил Белов.

— Виделся. По-моему, мы уже выходим к финишу.

— Ишь, какой шустрый. Скажи проще: выяснил — кто?.. Камилов?

— Он, Александр Петрович. Точно, он! Остаётся продумать: когда, где и как брать его... Если, конечно, он ещё в городе.

Глаза Белова стали заметно веселее. Он хлопнул меня по плечу.

— Продумаем! Это мы с тобой, Демичевский, продумаем. Теперь мы его и на краю света найдём. В пятнадцать часов оперативка по «Бирюзе». Приходи. Обсудим всё, чем объективно на сегодня располагаем и что делать дальше...

К трём часам все, кто был приглашён к Белову на совещание, один за другим собрались

в его кабинете. Присоединился к ним и я. «Наш» Камилов, как уже выяснилось, проживал по Большой Садовой улице, 17.

Я опять присел у окна, оглядел присутствующих: за столом Белов сосредоточенно перебирал лежащие перед ним бумаги, на диване в напряжённом ожидании застыли Громов и Наумов, на стульях, расставленных у стен, разместились другие члены следственно-оперативной группы.

Белов наконец встал, обвёл всех нас долгим взглядом:

— Значит, предлагаете сегодня же брать Камилова? Не торопитесь ли?

— Нет. Мешкать с этим не следует, — твёрдо ответил я.

— Однако нам ещё неизвестна его сообщница. Задерживать — так одновременно обоих, — возразил Наумов.

Белов продолжал смотреть на меня, что-то соображал.

Я повернулся к Наумову.

— Нам нельзя и часа тянуть с Камиловым. Пока будем искать его сообщницу, не преподнесёт ли он новое ЧП? Как тогда людям в глаза будем смотреть?

— Пожалуй, вы правы, Демичевский, — сказал Белов. — Где предлагаете брать Камилова?

— Дома. Только дома. На улице опасно — кругом люди, вдруг заминка какая, и он за пистолет... Теперь-то ясно, что он на всё способен.

— За пистолет он и дома может схватиться, — опять встрял Наумов. — Переполошим людей, если хуже чего не выйдет... Что у него за квартира? С кем он живёт?

— У него только мать — портниха, — вступил в разговор Громов. — Я тут перед совещанием участкового опросил... Камилов уже давно лишь на её хлебах. После десятилетки учился пару лет в инженерно-строительном институте — бросил, устроился барменом в ресторан и тоже не удержался там. А живут Камиловы в двухкомнатной квартире, на втором этаже.

— Значит, запросто в окно может сигануть, — вслух размышлял Наумов. Он сморщил лоб и добавил: — В коридор бы выманить его. Есть у них там коридор? Что собой представляет? — обратился он к Громову.

— Есть, — быстро ответил тот и передал Белову лист бумаги. — Взгляните, это план дома и квартиры, участковый по памяти нарисовал.

Мы принялись поочерёдно изучать план. Да, коридор есть. Я высказал свои соображения на этот счёт: если в коридоре есть щиток с автоматическими пробками, то можно отключить освещение квартиры. Кто тогда выйдет посмотреть, в чём дело? Конечно, мужчина. А в данном случае — Камилов!

— Дельно! — загорелся Наумов. — Вряд ли он в этом случае сунется в коридор с оружием.

— Значит, так... — опять заговорил Белов. — Уточняем детали операции. В первую очередь устанавливаем за домом наблюдение, блокируем подъезд... На лестничной площадке и во дворе в самый ответственный момент не должно быть никого из детворы и жильцов! С ними надо сработать особенно аккуратно! Кому это поручим?

Наумов с Громовым с нарочитым вниманием опять принялись разглядывать план дома, будто и не слышали последней фразы Белова. Он с пониманием усмехнулся:

— Что ж, возложим это на участкового. Как считаете, товарищи, справится?

— Да детвора в нём души не чает! — живо отозвался Громов.

— И весь народ к нему с почтением! — добавил Наумов. — Справится, товарищ майор!

— Вот и отлично, — заключил Белов. — Значит, вам с Громовым быть у щитка.

Они как по команде встали, в один голос громко ответили:

— Есть быть у щитка!

И я чётко понял, что если наш план удастся и Камилов будет дома, ему уже не уйти от них, даже если он выйдет к ним с оружием.

9

Наше совещание в тот день несколько затянулось. Мы вновь и вновь уточняли детали предстоящей операции, обсуждали возможные действия её участников, время проведения... Одни сотрудники войдут в группу захвата преступника, другие будут пе-

рекрывать пути его вероятного отхода, блокировать двор дома... Ну, а мне предстояло провести у Камиловых обыск.

Без десяти семь оперативники Белова доложили, что Камилов дома и выходить пока не собирается.

А на улице всё ещё светло. И минуты тянутся мучительно долго. Пятнадцать минут восьмого, полвосьмого... Восемь часов... Двадцать минут девятого...

Я выглянул из окна кабинета на улицу: есть ли где огоньки? Ведь начало операции ровно в девять. Огней пока ни в одном доме. Лишь полыхали в витринах и окнах домов оранжевые отблески заката.

В восемь тридцать — звонок Белова:

— Спускайся вниз — через пять минут выезжаем.

У подъезда присоединился к Белову. Сели в машину. Все остальные участники операции уже давно на улице Садовой. По рации то от одного из них, то от другого — короткие сообщения: «Двор заблокирован», «Подъезд заблокирован», «Объект на месте, посторонних в квартире нет».

На тихой улочке, у старого четырехэтажного дома с высокой аркой над въездом во двор, наша машина остановилась. На доме табличка: «Большая Садовая, 17». Вдоль арки прогуливались двое хипповатых парней. С трудом узнал в них работников райотдела. Во дворе — ни души, лишь за самодельным столиком у второго подъезда всё ещё стучали костяшками домино четверо чем-то мне знакомых личностей. «И эти — наши!» — пронеслось в голове.

Взглянул на часы: без трёх минут девять. «Пока войдём в подъезд, пока поднимемся по лестнице...»

Вот и второй этаж. С площадки третьего нам навстречу бесшумно спускались Наумов и Громов. Обменялись взглядами: «Пора!»

Наумов с Громовым нырнули в ярко освещённый проём коридора, и он тут же погрузился во мрак. Озноб нетерпения прокатился по моей спине. Представил себе, как же были напряжены в этот момент нервы и у других участников операции... Казалось, будто прошла уже целая вечность. Послышался ме-

таллический щелчок замка, недовольный мужской голос, потом яростный хрип, и мы с Беловым бросились в темь коридора к щитку с пробками. Вспыхнул свет, и я увидел распоротёртого на цементном полу темноволосого парня в шортах, с закрученными за спину руками, на ногах его — тяжело дышащего Наумова. Рядом с ним Громов — защёлкивал на запястьях парня наручники. Тот конвульсивно извивался, что-то мычал.

Всё! Дело было сделано! В считанные секунды.

Громов рывком поставил Камилова на ноги. Теперь уже у меня не было никакого сомнения, что это Камилов: точный оригинал рисунка Бубнова. Мы завели его в квартиру, пригласили понятых.

А где же мать Камилова?

Нашёл на кухне. С полной отрешённостью на бледном, без кровиночки, старческом лице она неподвижно застыла на табурете у стола и никак не отозвалась на предложение пройти в комнату сына.

Но мы и без неё нашли всё то, что искали: пистолет, патроны к нему, пачки денег в инкассаторской сумке, спрятанной за шифоньер. На столе и на книжных полках валялись затрёпаннные порножурналы, какие-то кассеты.

Громов брезгливо поднял один из таких журналов и показал Камилову:

— А это в каких подворотнях выискали?

— А тебе что — завидно? Тоже на голых баб поглазеть захотелось? — истерично прокричал Камилов. — Ну, гляди, гляди!

Понятые — две докучливые старушки — при этом всё охали и ахали: «Да как же так!.. Да что же это!..» — и вразнобой торопились заверить, что Эдик всегда был такой хорошенький, такой милый мальчик и что мать души в нём не чаёт.

А мать не плакала, лишь беспомощно и растерянно прислушивалась к выкрикам сына, а когда его стали уводить из квартиры, проводила тоскливым взглядом. Мы же отправились в отдел.

На улице уже окончательно стемнело. В открытую форточку нашей машины врывался прохладный ветерок... И так хорошо было у меня на душе, так хорошо, что я невольно

мысленно убежал к Елене. Целый день с ней не виделся. Как-то встретит меня, что скажет?

А Лена ничего и не сказала. Лишь печально смотрела на меня и молчала, молчала, молчала... В груди моей всё перевернулось от возникшей тревоги: когда Елена так смотрит и молчит, значит, чем-то расстроил её. Но чем?

Я топтался в прихожей и не знал, что сказать. В комнату уходить не хотелось и вот так в молчанку играть — тоже. Тихо и осторожно спросил:

— Что не весела?

Она грустно усмехнулась.

— Я так скучала вчера одна, так ждала тебя... Неужели и в выходные дни ты не можешь обойтись без своей работы?

Я облегчённо перевёл дыхание.

— Почему не могу? Могу! Вот только разберёмся с «Бирюзой»...

Лена недоверчиво покачала головой.

— Ой, Демичевский... Свежо предание...

— Знаешь что? Выходи-ка ты за меня замуж, а? — неожиданно для себя выпалил я и замер в тревожном ожидании ответа.

Глаза Лены округлились.

— Ты это... серьёзно?

— Конечно!

Она некоторое время молчала, потом с запинкой ответила:

— Спасибо тебе за лестное и столь дорогое для меня предложение. Но... замуж за тебя... я пока не пойду.

— Почему?!

Лена предостерегающе вскинула палец к губам:

— Тише, маму разбудишь.

И вдруг взяла в ладони мои руки, как в тот недавний, памятный для меня вечер, и поцеловала их.

Непостижимо!

Совершенно сбитый с толку, я осторожно высвободил руки.

— Как же тогда понимать тебя?

Лена выпрямилась, задумчиво повернула голову в сторону.

— Ты прости меня, Демичевский. Я и сама себя не понимаю.

Она перевела на меня взгляд.

– Хочешь откровенно?.. Когда ты появился у нас, показался мне таким молчуном, таким нелюдимым... И захотелось расшевелить тебя... А сейчас вот места себе не нахожу, если не увижусь с тобой хоть денёк. Вот ведь как всё получилось.

– Тогда почему... отказ?

– По-моему, ты поторопился со своим предложением. Разве обо мне думал в тот наш вечер?

– Много ты знаешь, о ком я думал, – пробурчал с раздражением. – И не такой я сухарь, как ты считаешь, нашли бы общий язык.

– Да, ты не сухарь. Просто был замороженный какой-то... А душа у тебя чуткая, отзывчивая. Потому и прошу – давай пока останемся просто друзьями.

«Друзьями? Просто друзьями? Ну, нет. Такое мне не подходит! – думал я. – А как быть с третьим? С тем же Славиком? Не зря он вокруг неё так увивается...»

Лена выжидающе смотрела на меня. Прекрасное лицо её даже побледнело от волнения.

– Не хочу просто дружить, – сказал я и услышал, как предательски сорвался мой голос, словно у обиженного мальчишки. – Я не могу без тебя, ясно?

На лице Лены появилась едва заметная улыбка. Она приподнялась на носки и поцеловала меня в щёку. Потом быстро ушла к себе.

«Вот это выдался денёк! – подумал я. – А что грядущий день готовит?»

10

Ночью мне не спалось. Всё вспоминал разговор с Еленой, перед глазами, словно в видеозаписи, мелькали сцены задержания Камилова... Не отпускала мысль, что надо скорее найти его сообщницу. С ней-то, наверное, разбираться будет проще. Хотя что в нашей работе даётся просто? Да, думал, завтра новый день, новые заботы...

С тем и отправился утром чаёвничать на кухне. Лена не показывалась. То ли ещё не проснулась, то ли просто скрывалась от меня... И тревога сковала мою грудь. Томился ожидани-

ем, но Лены всё нет и нет. А мне уже надо было идти в отдел.

Пока я шагал по солнечным улицам к горотделу, всё больше склонялся к мысли о том, что необходимо срочно отыскать и сообщницу Камилова – возможно, ту же парикмахершу Светлану, о которой в колонии упоминал в разговоре со мной Пикулин. Её-то найти теперь, конечно, легче будет. Много ли в городе парикмахерских? За день – все обойдёшь...

В горотделе наша следственно-оперативная группа была уже в сборе. Наумов старательно опрашивал по моей просьбе соседей Камилова, Губин сличал отпечатки пальцев Эдика с теми, что обнаружил в машине Власова, а всё так же элегантно разодетый Громов откровенно томился в своём кабинете, ожидая распоряжений. Я вернулся в лабораторию Губина.

– Ну, как пальчики? Кто оставил их в машине?

Он вскинул на меня свои всегда серьёзные глаза.

– Теперь сомнений нет: те, что в салоне, – Камилова. Официальное заключение получишь позднее.

Я закрыл за собой дверь лаборатории и отправился к Белову.

– Что думаешь делать дальше? – спросил он.

– Продолжать поиск сообщницы Камилова. Возможно, это его подруга, некая парикмахерша Светлана, о которой в разговоре со мной обмолвился Пикулин. Думается, Громов мог бы заняться её поиском, всё равно он вроде бы пока ничем не занят.

– Добро, – согласился Белов. – Передай ему моё распоряжение на этот счёт.

Я вызвал Громова к себе, поставил перед ним задачу, и он моментально преобразился. Весело подмигнул и тут же исчез из кабинета. А через два часа позвонил по телефону:

– Светлану к нам привезти?

– А это она? Точно?

– Она, не волнуйся. Других работниц по имени Светлана в этих заведениях не бывало. Завтра собирается улететь. Отпуск у неё. И как только успели перехватить!

– Что она собой представляет?

– Производит впечатление девицы неглупой, но несколько вульгарной.

– Если не возражает, вези её в отдел.
 И он привёз. Представил высокую, симпатичную блондинку:
 – Изотова Светлана.
 И исчез.
 Я предложил Светлане стул и с минуту разглядывал её: лет двадцати пяти, в короткой пёстрой юбке, крупная финифтьевая брошь... Аккуратно уложенные светлые локоны обрамляют продолговатое лицо. Веки больших голубых глаз чуть тронуты зелёными тенями, брови неестественно тонкие. Пухлые губы подкрашены ярко-алой помадой. Ноготки тонких холеных рук отливают перламутровым лаком... Не о ней ли как о своей невесте Камиллов сообщал в записке Пикулину?
 Решил поговорить пока неофициально, чтобы не насторожить прямыми вопросами.
 – Вы замужем?
 – А что – хотите сделать предложение? – игриво отозвалась Изотова, закинув ногу на ногу. – Тогда поторопитесь, пока не улетела.
 «Почему так рисуется? – подумалось мне. – Действительно ни в чём не виновна или игра?»
 – И куда собираетесь лететь, если не секрет?
 – У-у, далеко. Аж в самые Сочи. И, между прочим, не одна, а с женихом.
 – Это кто же такой счастливый?
 Изотова польщённо улыбнулась.
 – Правда? Вот и я так считаю. Эдику просто повезло, что я согласилась составить ему компанию.
 – Это какой же Эдик? Петров, что ли?
 – Нет. Камиллов. Да вы объясните, в чём дело? Зачем меня пригласили сюда?
 Изотова тут же умолкла, сообразив, что допустила промашку, признав знакомство с Камилловым. А я мысленно ликовав: «Вот и общница его нашлась!..»
 – Извините, – продолжал я. – Вы правы. Дело в том, что мы вынуждены были задержать Камиллова. А вы считаете себя его невестой. Вот и пригласили вас кое-что уточнить.
 – Что именно? – Изотова как-то сразу сникла, низко опустила голову. – Я тут при чём?
 – Мы ещё вернёмся к этому вопросу, – сказал я. – Пока ответьте: делал он вам предложение выйти замуж?

Изотова нахмурилась.
 – Делал ли он мне предложение? – задумчиво переспросила она. – Нет, не делал. Это я, дурёха, об этом всё мечтала... Да не получилось.
 – Почему? Не сошлись характером?
 Изотова достала из цветастой продолговатой косметички круглое зеркальце, быстро взглянула в него, поправила причёску.
 – Как вы считаете – я представляю интерес для мужчин?
 – Несомненно, – не кривя душой, подтвердил я, уже догадываясь, в чём соль вопроса.
 – Ну вот, – грустно продолжала Светлана. – А Эдика увлекла другая девчонка.
 – Такая же красивая?
 – Что вы, – с ревнивой злостью возразила Изотова. – Да на неё и взглянуть-то страшно. Чернушная лицом, как цыганка. Тощая – кожа да кости!
 – И кто же это вам дорогу перешёл? Откуда такая?
 – Не знаю и знать не хочу.
 – А почему с вами он лететь надумал?
 Изотова горько усмехнулась.
 – Надоела она ему. Да и я его от себя никогда не отталкивала, – Изотова нервно дёрнула головой. – Вы Эдика видели? Глаза его, брови, ресницы? – неожиданно перешла она в наступление. – Нам, бабам, мужская красота вообще-то необязательна. Но у Эдика она особенная. Взглянешь на него и млеешь, как дурёха... Всё тогда могла простить ему, оправдать... Вы – мужчины. И то порой голову теряете из-за какой-нибудь куколочки в юбке. Что же с нас, слабых баб, спрашивать?.. Впрочем, в чём дело-то? Эдика за что задержали?
 – Считаю Камиллова и его общницу виновными в разбойном нападении на «Бирюзу». Может, слышали что-то?
 Глаза Изотовой потемнели.
 – При чём тут Эдик? Он хороший парень!
 – Хороший парень? – спросил я уже сердито. – А не раз шёл на разбой, не задумываясь, стрелял в людей.
 Изотова в замешательстве замерла на стуле.
 – Это уж у него так получилось в магазине. Он не хотел... – пробормотала она осевшим голосом. – Он что, кого-нибудь там...

Выдержка окончательно изменила ей, и крупные слёзы покатались по лицу...

– Это я! Я во всём виновата!

– В чём виноваты? Значит, вы – сообщница Камилова? Это хорошо, что признались сами – учтётся на суде. Расскажите, как было дело.

Изотова утёрла ладонью слёзы, отрешённо отвернулась.

– Расскажите, где и как познакомились с Камиловым.

– Три года назад, в парикмахерской. Стрижку модельную делала ему. Начали встречаться. Щедрый он такой – всё в кино, в рестораны приглашал, угощал конфетами. И потом... Вы видели Эдика?

Опять этот вопрос. Вспомнил портрет Эдика. Да, такие парни нравятся женщинам.

– Правда ведь, красавец! – воскликнула Изотова. – Все девчонки без ума от него. А он лишь со мной и со мной. Мне с ним всегда было так хорошо! Когда он исчезал, дни тянулись бесконечно, казались серыми, пустыми. Думалось, на всё могу пойти, лишь бы не бросал меня... Да вам этого не понять, наверное.

– Почему не понять? Понимаю, – ответил я не сразу. Потому что тоже стало тяжело на душе: отчего Лена не вышла сегодня проводить меня?

Изотова недоверчиво усмехнулась. Я поторопился вернуть её к главной теме:

– Так как же всё получилось с «Бирюзой»?

Чуть помедлив, Изотова снова горестно заговорила.

– Когда однажды Эдик признался, что сидит на мели, то есть без денег, я сама напросилась чем-нибудь помочь. Он долго колебался, прежде чем доверился мне. Сказал, что давно приглядывается к «Бирюзе». Изучил маршрут, время прибытия инкассаторов. Но нужна машина. Можно бы угнать, да не умеет водить. Вот если бы я поспособствовала, ведь у нас дома была своя машина, знаю, как с ней обращаться.

– И вы согласились, – подсказал я.

– Ну, коль уж напросилась...

– А оружие? – не отставал я с вопросами. – У Камилова изъят пистолет. Где он взял его?

– Это пистолет покойного отца Эдика. Приезд с фронта.

– А как обстояло дело с машиной?

– Неподалёку от магазина есть столовая. Там все таксисты обедают. Мы и решили воспользоваться этим. Машина нам и нужна-то была минут на десять. Кто из шофёров хватился бы её за это время?

Изотова опять умолкла. Я задал ещё несколько уточняющих вопросов, составил протокол допроса, подал ей ознакомиться. Она прочитала текст, с убитым видом подписала протокол и снова вскинула на меня печальные глаза.

– Куда меня сейчас – в тюрьму? А что будет с Эдиком? Поверьте, я больше виновата. Он, может, и не рискнул бы...

– Вы лучше подумали бы о своей судьбе, – тихо сказал я.

Мне было по-человечески жаль эту девушку. Поражался её слепой влюблённости и жертвенному желанию обелить Камилова.

11

В тот же день я допросил и Камилова. Он вошёл в кабинет, низко опустив голову. Что ж, на чудо в его деле рассчитывать ему не приходилось, надо держать ответ.

Камилов тяжело опустился на стул, бросил в мою сторону косой взгляд. С беспокойством спросил:

– Меня одного взяли?

– Нет, и вашу сообщницу Изотову тоже.

Он удручённо качнул головой.

– Надо же... Так долго готовились... Всё вроде бы учли, всё по секундошкам выверили – и сорвалось!

– Рассказывайте, – сказал я, – как было дело.

– Да ведь всё знаете, наверное, – потупился Камилов.

– А я вас хочу послушать... Говорите.

И он стал рассказывать. Так же подробно, как Изотова. И всё сходилось.

– Сколько мне дадут? – спросил Камилов. – Я ведь чистосердечно... Мог бы и промолчать...

А в тёмных глазах отчаяние.

– В салоне машины старались не наследить, а следы всё равно оставили, – сказал я. – Что

ж вам не чистосердечно? Другого пути ведь и нет! А насчёт срока наказания — так это не по адресу обратились.

Камилов горбился от вопросов, весь взмок. Но мне ещё надо было вернуть его к истории с Ладыгиными, и я снова спросил:

— Ну, а что же вы о Пикулине не вспомнили? Отбывает срок парень, а мог бы стать отличным спортсменом. Интересовался, женились ли вы.

Камилов побледнел.

— Вы и об этом узнали?

— О чём? — спросил. — Расскажите!

И он опять стал рассказывать. Всё рассказал. Под давлением улик, очных ставок, других доказательств его преступлений. Я едва успевал записывать. А когда Камилова увели, ещё долго с неприятным чувством вспоминал его усмешки, недобрые взгляды.

Звонок телефона оторвал меня от невесёлых дум. Я поднял трубку и услышал приглушённый голос Белова:

— Ну? Что у тебя?

— Всё в порядке. Изотова и Камилов во всём признались.

— Вот и отлично! Теперь, что ж, домой собираешься? Восьмой час вечера!

— Иду, Александр Петрович, иду! Если бы вы знали, как мне сейчас надо быть дома!

— Тогда не задерживайся. Будь здоров!

В трубке раздалась гудки. Я убрал в сейф бумаги и торопливо вышел на улицу. И сразу лицом к лицу столкнулся с Еленой. Она явно была чем-то взволнованна. Легонько приобняв её, обеспокоенно спросил:

— Ты почему здесь? Что случилось?

— Да вот, сижу-сиджу дома. За окном совсем темно стало, а тебя всё нет и нет, — смущённо пробормотала Лена и, пряча глаза, уткнулась головой мне в плечо. — Вот и побежала к вам в отдел узнать, всё ли у тебя в порядке...

У меня отлегло от сердца, даже стало радостно на душе от этих её слов. Что я мог тогда сказать? Только опять незамедлительно выпалить своё предложение:

— Выходи-ка за меня замуж. Согласна?

Лена вскинула на меня повеселевшие глаза.

— Я подумаю, — озорно ответила она и ещё теснее прижалась к моей груди.

Владимир Гаврилович КОЛАБУХИН —

поэт, прозаик, журналист.

Родился в 1937 г. в Коломне.

Окончил Всесоюзный юридический заочный институт.

Пишет для детей и взрослых.

Автор десятка книг, в их числе «Фальшивая коронка» (1982),

«Что тебе пожелать?» (1988),

«Плывут бумажные кораблики» (2006),

«В краю березовом» (2008), «Заходи, апрель!» (2012) и др.

Дипломант отечественных и международных литературных конкурсов.

Золотой лауреат Германского Международного конкурса

«Лучшая книга года» (2015, 2017).

Член Союза журналистов России,

член Союза российских писателей.

Живет в Ярославле.

